

Налоговые механизмы стимулирования устойчивого развития территорий с особым экономическим статусом: теоретико-методологический анализ

Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Синенко Ольга Андреевна

Доктор экономических наук, доцент, ведущий научный сотрудник
Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: oasinenko@fa.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

институциональный механизм, экономическое поведение, хозяйствующие субъекты, Республика Крым, региональная экономика, институциональная среда, адаптивные стратегии, инвестиционный климат, транзакционные издержки

АННОТАЦИЯ.

Статья направлена на обоснование теоретико-методологических основ налогового стимулирования устойчивого развития территорий с особым экономическим статусом. Актуальность работы обусловлена наличием существенного пробела в научной литературе, связанного с отсутствием комплексных исследований, посвященных адаптации фискальных преференций к целям экологической и социальной стабильности в рамках территорий с особым экономическим статусом. Интерес автора к данной проблематике продиктован потребностью в разработке сбалансированных фискальных механизмов, ориентированных на достижение долгосрочных эффектов в контексте целей устойчивого развития. В качестве методологической основы применяется авторская концепция многомерного налогового стимулирования, интегрирующая три взаимосвязанных аспекта: пространственный (теории преференциального налогообложения и пространственного развития), средовой (парадигма устойчивого развития, детерминирующая демографические и экологические тренды) и поведенческий (постулаты институциональной теории и теории налогового поведения). Такой синтез позволяет проектировать адресные стимулы с учётом специфики территорий, характеризующихся депрессивной демографической динамикой и повышенной антропогенной нагрузкой. Основным результатом исследования является обоснование модели формирования налоговой политики, увязанной с объективными параметрами экологической ёмкости территории и потенциалом её трудовых ресурсов. Практическая реализация предложенных мер будет способствовать активизации инновационного потенциала макрорегионов в условиях структурных ограничений. Методология исследования включает систематический анализ научной литературы. Ограничением работы является непредставленность механизмов косвенного налогообложения, что определяет перспективы дальнейших изысканий. Ключевой особенностью предложенного подхода является системная взаимосвязь налоговых инструментов с поведенческими реакциями экономических агентов и внешними средовыми факторами, что формирует основу для научно обоснованной фискальной политики. Обосновано, что корректировка объемов и направленности финансовых потоков посредством применения налогово-бюджетных механизмов позволяет целенаправленно регулировать интенсивность и вектор воздействия на переход региональных систем к устойчивой модели развития.

JEL codes: H2, H30

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-11-131-150>

Для цитирования: Синенко, О.А. Налоговые механизмы стимулирования устойчивого развития территорий с особым экономическим статусом: теоретико-методологический анализ / О.А. Синенко. – Текст : электронный // Теоретическая экономика. – 2025. – №11. – С.131-150. – URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.11.2025)

Введение

Имплементация концепции устойчивого развития осуществляется с обязательной адаптацией к локальной специфике, при этом ключевое значение приобретают её пространственные аспекты. Данные принципы находят активное применение при проектировании территорий с особым экономическим статусом (ТОЭС), выступающих инструментом активизации инвестиционных процессов, генерации занятости и индустриального роста. Важно отметить дуальную природу взаимосвязи: устойчивое развитие детерминировано уникальным географическим, экологическим, социально-экономическим контекстом конкретной территории. В то же время налоговые механизмы территориального планирования сами оказывают существенное влияние на достижение целей устойчивости, выступая в роли катализатора или барьера. В данном контексте особый интерес представляет мобилизация потенциала ТОЭС, которые традиционно функционируют в качестве региональных полюсов экономического роста. При условии эффективного администрирования и внедрения системы экологического мониторинга, ТОЭС способны выступать катализатором социально-экономического развития в русле парадигмы устойчивости. Несмотря на турбулентность мировых финансовых рынков и сокращение объемов международной торговли, наблюдается устойчивая тенденция к диверсификации и увеличению количества особых экономических зон как стратегического ответа на обостряющуюся конкуренцию за промышленные инвестиции. Эффективность налоговых преференций для региональной экономики не является линейной и обусловлена не только фискальным масштабом, но и комплексом условий их применения. В регионах со сформированной инновационной инфраструктурой удовлетворительный результат демонстрируют умеренные стимулы, в то время как для территорий с менее благоприятным инвестиционным климатом необходима разработка усиленных целевых мер поддержки.

Речь идёт о формировании так называемых «полюсов роста» (по Ф. Перру) – центров экономической активности, которые генерируют положительные внешние эффекты, стимулируя развитие окружающих территорий [30]. Полюса экономического роста представляют собой географически локализованные кластеры, для которых характерна высокая концентрация хозяйственной активности, объектов инфраструктуры и инвестиционных ресурсов. Ключевая функция таких полюсов заключается в генерации положительных синергетических и мультиплекативных эффектов, оказывающих диффузное воздействие на экономику государства или макрорегиона в целом. В российской практике роль подобных точек роста выполняют территории с особым экономическим статусом. Данные территории представляют собой географически обособленные зоны, функционирующие в рамках специального правового режима, целью которого является создание преференциальных условий для активизации инвестиционной и инновационной деятельности. Согласно исследованию, проведенному Конференцией ООН по торговле и развитию (ЮНКТАД), анализ регуляторной практики свидетельствует о доминировании законодательных мер в качестве основного инструмента привлечения инвестиций в подобные зоны. Наиболее распространенным механизмом являются фискальные преференции, которые применяются в 98 государствах, что подтверждает ключевую роль налогового стимулирования в политике формирования особых экономических зон. [37].

Как было установлено ранее, функционирование территорий с особым экономическим статусом (ТОЭС) детерминировано специальными институциональными нормами, регламентирующими права собственности и общими параметрами нормативно-правового поля. Таким образом, концепция ТОЭС представляет базовые принципы институциональной теории, акцентирующей определяющее влияние институциональной среды на стратегии экономических агентов и, как следствие, на результативность их хозяйственной деятельности. Специфика регулирования на подобных территориях выражается в либерализации административных процедур, минимизации транзакционных издержек, связанных с преодолением бюрократических барьеров, и формировании в целом более благоприятного инвестиционного климата.

В научном дискурсе проблема оптимизации инструментов налогового стимулирования пространственного развития, в частности через механизм особых экономических зон, является предметом научной полемики с 1980-х годов, периода их глобальной экспансии. Фокус данных дискуссий сосредоточен на сравнительном анализе эффективности фискальных преференций, направленном на выявление оптимальных моделей их применения и оценку сопутствующих рисков. Сложившееся экспертное мнение подтверждает, что система налоговых льгот выступает краеугольным элементом политики регионального развития в рамках ТОЭС, способным при соблюдении ряда условий обеспечить её высокую результативность и эффективность. Эмпирические данные свидетельствуют, что подобные фискальные инструменты катализируют процессы социально-экономического роста, а также стимулируют технологическую модернизацию и диффузию инноваций на соответствующих территориях. [38]. Активное внедрение данных механизмов стало следствием эволюции подходов к формированию промышленных стратегий в условиях современной геоэкономической турбулентности и обострения глобальной конкуренции. Данный тренд наиболее выражен в странах с формирующимся рынком, для которых характерна ориентация на ускоренную экономическую модернизацию.

Парадигма устойчивого развития региона предполагает удовлетворение актуальных социально-экономических потребностей без ущерба для потенциала будущих поколений. Её реализация основана на достижении сбалансированности в решении экономических, социальных и экологических задач и обеспечивается посредством технологических инноваций, инклюзивного роста, а также рационального природопользования. Особую значимость данный подход приобретает для регионов, характеризующихся наличием острых демографических и экологических дисбалансов.

В мировой практике в качестве инструмента нивелирования негативных тенденций и стимулирования устойчивого роста активно используются полюса роста – территории, наделенные особым экономическим статусом. Ключевым элементом обеспечения их эффективности выступает формирование адаптивной политики налогового стимулирования, интегрирующей текущие макроэкономические реалии, перспективные возможности и риски, ассоциированные с технологической трансформацией.

Гипотеза исследования заключается в предположении о том, что система налоговых стимулов для устойчивого развития ТОЭС обладает многомерной природой, синтезирующей концептуальные положения трех теоретических плоскостей:

- пространственное измерение (теории пространственного развития и преференциального налогообложения);
- измерение внешней среды (теории устойчивого развития, детерминирующие долгосрочные демографические и экологические векторы);
- поведенческое измерение (институциональные теории, теории налогового поведения экономических агентов).

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена потребностью в разработке научно-методического аппарата для налогового стимулирования устойчивого развития регионов, включающих ТОЭС.

Научная проблематика работы сформулирована в следующих исследовательских вопросах:

- какие инструменты налоговой политики демонстрируют наибольшую эффективность для стимулирования устойчивого развития территорий, подверженных влиянию демографических и экологических ограничений?
- каким образом может быть обеспечена интеграция политики налогового стимулирования, коррелирующей с поведенческими реакциями экономических субъектов, с воздействием демографических и экологических факторов, определяющих экологическую ёмкость территории, потенциал трудовых ресурсов и долгосрочные траектории пространственного развития?

Методология

Методология исследования базируется на принципах систематического обзора литературы (SLR). Процедура включала: определение поисковых запросов и параметров (тематика: налоговое стимулирование устойчивого развития и ТОЭС), поиск в базах данных Scopus и Web of Science, многоэтапную фильтрацию результатов с последовательным ужесточением критериев для выявления релевантных исследований, систематизацию отобранных публикаций. Первоначальный поиск в базах Scopus и Web of Science по ключевым словам выявил 150 публикаций, соответствующих критериям отбора. Наблюдаемый рост публикационной активности (увеличение в 2 раза за последнее десятилетие) подтверждает растущий научный интерес к проблеме налогового стимулирования устойчивого развития особых экономических зон. Ограничения метода включают языковой фильтр (только англоязычные публикации) и отказ от использования метода «снежного кома» для анализа библиографических ссылок, что могло привести к исключению отдельных релевантных исследований. Данный подход позволил сформировать презентативную выборку, обеспечивающую достоверность выводов. Кроме того, автор опирается на опубликованные ранее результаты модельных экспериментов в сфере налогообложения по данному вопросу [38, 41].

Результаты

Концепция «устойчивого развития» региона предполагает удовлетворение актуальных социально-экономических потребностей без ущерба для потенциала будущих поколений. Теоретической основой данного подхода выступают фундаментальные положения глобальной парадигмы устойчивого развития. Ключевым императивом её практической реализации является обеспечение сбалансированности в решении экономических, социальных и экологических задач региона через внедрение технологических инноваций, обеспечение инклюзивного роста, рациональное природопользование и повышение ответственности за распределение ресурсов.

В рамках исследования, проведенного в Индии в период 1998–2005 гг., анализировались последствия предоставления налоговых каникул по налогу на прибыль для вновь созданных промышленных предприятий в 123 экономически депрессивных округах. Результаты эмпирического анализа свидетельствуют о значительном росте количества предприятий легкой промышленности (примерно на 60%) и соответствующем увеличении уровня занятости в данном секторе в течение первых четырех лет после реализации программы стимулирования. Более того, проведенный анализ позволил идентифицировать не только оживление хозяйственной деятельности в приоритетных округах, но и феномен географического перераспределения деловой активности. Зафиксирована устойчивая тенденция к миграции предпринимательских инициатив из смежных территорий, лишенных аналогичных фискальных преференций, что эмпирически доказывает эффективность налоговых льгот в качестве действенного инструмента пространственной концентрации экономического роста [16].

Проведенное Ивэнь Чэн исследование (1993–2006 гг.) было посвящено анализу воздействия преференциальных налоговых режимов в специальных экономических зонах Китая на ключевые макроэкономические индикаторы. Полученные эмпирические данные свидетельствуют о том, что функционирование СЭЗ вносило вклад в ежегодный прирост валового внутреннего продукта страны на 1–2% на протяжении пятилетнего горизонта исследования. На провинциальном уровне анализ выявил увеличение регионального валового продукта на 6–10% по истечении пятилетнего периода с момента учреждения соответствующих зон. В секторе обрабатывающей промышленности была зафиксирована положительная динамика занятости с ежегодным ростом на 6%. Кроме того, институт СЭЗ инициировал создание новых производственных предприятий. Несмотря на предоставляемые льготы, налоговые поступления на окружном уровне продемонстрировали повышение с 20% до 26% по прошествии пяти лет, что свидетельствует об эффекте расширения налоговой базы вследствие экономической активизации [6].

Согласно анализу, проведенному Р. Чори, имплементация политики федерального финансирования налоговых льгот в индийских штатах Уттаракханд и Химачал-Прадж в период

с 2000 по 2008 год показала значительную результативность. Расчетный чистый экономический эффект от реализации указанных мер варьируется в диапазоне от 6,5 до 21,3 миллиардов рупий, что соответствует 0,11–0,36% совокупного валового регионального продукта. В долларовом выражении данный эффект эквивалентен 101–332 миллионам USD. Эмпирические данные свидетельствуют о значительном позитивном воздействии фискальных преференций на ключевые показатели промышленного развития. Проведенный сравнительный анализ с контрольными регионами выявил значительное превышение показателей в исследуемых штатах: рост занятости составил 43%, а количество производственных предприятий увеличилось на 550–630 единиц. Также было зафиксировано существенное повышение валового выпуска продукции, объема основного капитала и фонда оплаты труда, достигшего 8 млрд рупий. Создание приблизительно 33 тысяч новых рабочих мест свидетельствует о выраженному стимулирующем воздействии реализованной политики. При этом фискальные затраты государства на реализацию программы составили 73,9 млрд рупий (1,15 млрд USD), что указывает на существенный, но оправданный объем бюджетных ассигнований в контексте достигнутых макроэкономических результатов. [5].

Проведенное Лян Чжэн исследование воздействия специальных экономических зон КНР на функционирование промышленных предприятий в период 1999–2008 гг. показало статистически значимый позитивный эффект указанных территориальных форматов на рынок труда. Согласно полученным результатам, учреждение СЭЗ привело к росту совокупной занятости в соответствующих округах на 5%, тогда как в сегменте новых предприятий наблюдалось увеличение данного показателя свыше чем на 50% [45].

Проведенный У Минь и соавторами анализ функционирования специальных экономических зон Китайской Народной Республики в хронологических рамках 1985–2011 гг. позволил идентифицировать вариативность стимулирующего воздействия в зависимости от типологических характеристик указанных территориальных образований. Эмпирические результаты свидетельствуют о более значительном мультиплекативном воздействии зон высоких технологий по сравнению с зонами экономического и технологического развития. Установлено, что институт СЭЗ оказал существенное влияние на инновационную активность, выразившееся в росте ключевых патентных показателей: количество патентных заявок увеличилось на 15–25%, выданных патентов — на 8–22%, а уровень цитирования патентов — на 15–25%. Полученные данные подтверждают роль специальных экономических зон как катализатора генерации и диффузии знаний в региональных экономических системах. [42].

Согласно официальной статистике за 2017 год, 219 зон национального экономического развития Китайской Народной Республики, занимая приблизительно 2% территории государства, производили около 10% валового внутреннего продукта страны, обеспечивали 19% общего объема экспортных операций и формировали 9% бюджетных налоговых поступлений. Эмпирическое исследование эффективности деятельности промышленных предприятий Китая (CIED), проведенное Х. Ли (X. Li) и коллективом авторов за период 1998–2007 гг., демонстрирует статистически значимое превышение ключевых экономических показателей компаний, локализованных в СЭЗ, над результатами предприятий, функционирующих за их пределами. [23].

Проведенное под руководством Г. Вана (G. Wang) исследование демонстрирует, что инсталляция пилотных зон свободной торговли оказывает катализитическое воздействие на эффективность экологических инноваций в корпоративном секторе. Согласно полученным результатам, данный эффект реализуется посредством триггерных механизмов: оптимизации операционных издержек, применения фискальных преференций и индуцирования обратного трансфера технологий. [10]. Институциональное обоснение территорий со специальным режимом свободной торговли представляет собой значимый инструмент стимулирования экологически устойчивого экономического роста. Модернизация промышленного потенциала и имплементация передовых технологических решений формируют фундаментальные предпосылки для перехода к

экономической модели, соответствующей принципам экологической ответственности. [11].

Вместе с тем внедрение территориальных налоговых преференций сопряжено с рядом негативных экстерналий. Критическим аспектом является трансформация территорий с особым экономическим статусом в юрисдикции с признаками «налоговых гаваней» в ряде государств и регионов. Эмпирические исследования подтверждают существенные масштабы указанной проблемы: по данным на 2015 год приблизительно 40% мировой прибыли (эквивалентно 616 миллиардам долларов США) было искусственно трансферировано в юрисдикции с преференциальным налоговым режимом с целью оптимизации налоговых обязательств. [41]. Исследование процессов трансграничного перемещения финансовых потоков в 28 странах ЕС в период с 2009 по 2016 год показало, что ежегодно в среднем более 186,5 миллиардов евро прибыли перенаправлялись в юрисдикции, предлагающие льготное налогообложение. Указанные операции инициировали фискальные потери в сегменте налогообложения прибыли корпораций, совокупный объем которых составил свыше 51 млрд евро. [28]. За три последних десятилетия наблюдалось двукратное увеличение объема прибыли, генерируемой канадскими корпорациями за рубежом. Стоит отметить, что примерно 25% от общего объема зарубежных инвестиций Канады было сконцентрировано в юрисдикциях, предоставляющих налоговые преференции. [27].

Эмпирическое исследование, проведенное Цянмином Си, Жуйдун Сунем и Мэй Лином (Q. Xi, R. Sun, M. Lin), демонстрирует, что преференциальная политика в СЭЗ способствует снижению барьеров входа на рынок для компаний. Однако данный механизм одновременно индуцирует приток экономически неэффективных фирм, что создает негативный эффект для роста совокупной производительности факторов производства в секторе производственных услуг. [43]. Однако проблема не сводится исключительно к корпоративному налоговому планированию. Предоставление фискальных преференций отдельным регионам может генерировать негативные экстерналии для сопредельных территорий, включая: усиление социального неравенства; обострение локальных проблем занятости; ухудшение экологической ситуации. Ключевой методологической сложностью остается оценка эффективности территориальных налоговых льгот в контексте достижения заявленных целей регионального развития. [38]. Анализ эффективности налоговых льгот в Российской Федерации выявил системные проблемы. Согласно данным Счетной палаты, более половины фискальных преференций демонстрируют негативный бюджетный эффект, выражаящийся в отсутствии позитивного воздействия на рост государственных доходов и невозможности компенсации выпадающих бюджетных поступлений.

Когерентно позиции К. Хазакиса (K. Hazakis), эффективность политики пространственного налогового стимулирования детерминирована контекстуальными факторами, включая пространственно-временной континуум реализации мер, а также специфику институционального взаимодействия между управленческими структурами и экономическими агентами в рамках особых экономических зон. [17].

Проведенное Эриком М. Золтом исследование эффективности налоговых преференций выявило их более высокую результативность в государствах Латинской Америки и Карибского бассейна по сравнению со странами Африканского континента. Согласно выводам автора, эффективность инвестиционной политики детерминирована качеством институциональной среды. [47].

Таким образом, в контексте обеспечения устойчивого развития макрорегионов, характеризующихся наличием демографических и экологических дисбалансов, системообразующая роль принадлежит трем взаимосвязанным детерминантам: инновационной, демографической и экологической. При этом инновационная составляющая способна выполнять функцию катализатора структурных преобразований, направленных на нивелирование существующих негативных тенденций (рис. 1).

Ключевая проблема исследования состоит в сложности взаимного влияния ключевых детерминант: пар «Инновации–Экология», «Инновации–Демография» и «Демография–Экология».

Их взаимодействие имеет нелинейный и уникальный для каждой пары характер, что в совокупности порождает сложную адаптивную систему. Прогнозирование динамики этой системы представляется фундаментальную сложность, однако именно от него зависит формирование научно обоснованной налоговой стратегии, нацеленной на достижение целей устойчивого развития.

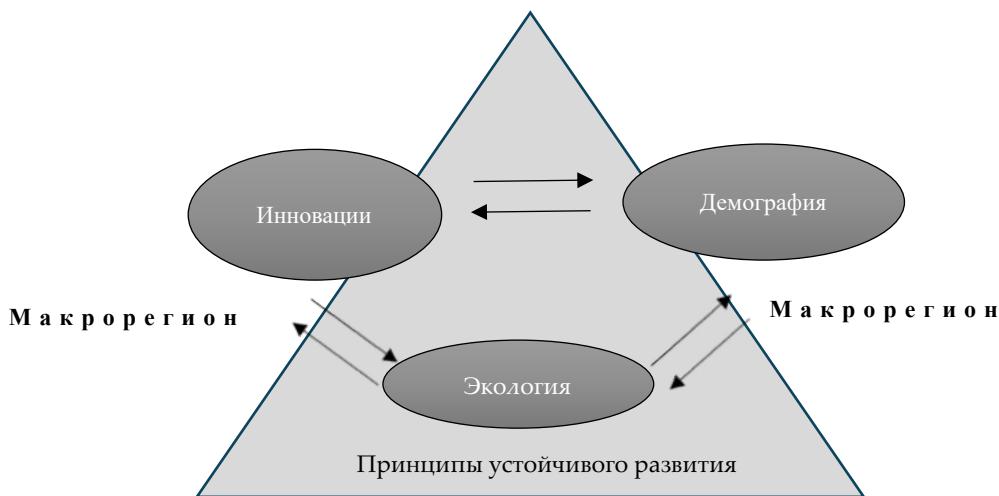

Рисунок 1 – Взаимоувязанные факторы модели системы устойчивого развития макрорегиона
Источник: составлено автором

Инновации – Экология. Взаимосвязь между инновационной деятельностью и экологическими аспектами представляет собой сложную многомерную систему. Эмпирически подтвержденная «слабая гипотеза Портера» демонстрирует, что ужесточение экологических нормативов не только способствует снижению уровня загрязнения, но и выступает катализатором технологических инноваций. В дальнейшем была сформулирована «сильная гипотеза Портера», постулирующая, что генерируемые инновациями экономические выгоды (рост прибыльности и конкурентоспособности) способны компенсировать издержки, связанные с экологическими требованиями. [32]. Эмпирическое исследование, проведенное С. Лу и К. Фэн (C. Lu, Q. Feng), подтвердило наличие значительного и устойчивого позитивного воздействия инноваций в области «зеленых» технологий на развитие промышленной экологии. При этом интенсивность данного воздействия и его детерминанты варьируются в зависимости от уровня развития промышленно-экологических систем в различных регионах. Эффект «локального соседства», индуцированный «зелеными» технологическими инновациями, преимущественно обусловлен развитостью региональной инновационной инфраструктуры. [24]. С позиции теории организационной экологии, восприимчивость организации и её способность к адаптации в условиях экологических ограничений определяются ресурсным потенциалом и организационными возможностями. Эмпирические данные свидетельствуют, что дефицит ресурсов может тормозить разработку и внедрение технологических инноваций в организации. [44, 46].

Проведенное Ю. Цуй, Дж. Цзяо и Х. Цзяо (Y. Cui, J. Jiao, H. Jiao) исследование анализирует детерминанты вовлеченности предприятий в технологические инновации в странах БРИКС. Эмпирические результаты свидетельствуют о положительной корреляции между инвестициями в человеческий капитал (включая формальное обучение за пределами рабочего места и сертификацию продукции) и биржевым листингом компаний с их инновационной активностью. Напротив, высокая экспортная ориентация и государственная форма собственности демонстрируют негативную связь с вероятностью осуществления технологических инноваций.

Полученные данные позволяют заключить, что инновационная активность предприятий представляет собой организационный феномен, определяющийся следующими факторами: условиями доступа к ресурсам, уровнем рыночной легитимации и институциональными

характеристиками основания компаний. [8].

Эмпирическое исследование, проведенное С. Динг (S. Ding) и коллегами на выборке из 1500 инновационно-активных предприятий провинции Чжэцзян (КНР), опровергает гипотезу о взаимоисключающем характере экологической сохранности и экономического прогресса. Результаты демонстрируют, что стимулирование технологических инноваций выступает катализатором комплексного сбалансированного развития, соответствующего целям ЦУР 9 (Цели устойчивого развития ООН - формирование устойчивой инфраструктуры, инклюзивной индустриализации и инноваций), а также парадигме высококачественного экономического роста [40].

Глобальный тренд демонстрирует, что цифровизация экономик способствует повышению их экологической устойчивости. Статистика указывает на устойчивую положительную связь: чем выше уровень внедрения цифровых решений, тем лучше экологические показатели страны (при условии сопоставимости других параметров). Однако, единственность «зеленой» цифровой трансформации обусловлена наличием развитого технологического потенциала и общей ступенью экономического развития. [9]. Влияние цифровых технологий на экологию менее выражено в слаборазвитых промышленно-инновационных кластерах по сравнению с развитыми. Поэтому для развивающихся экономик долгосрочные последствия цифровизации носят амбивалентный характер, а связанные с ней риски могут быть масштабными. Таким образом, результат внедрения инноваций для окружающей среды является двояким и определяется как свойствами самих решений, так и средой их внедрения.

Позитивные эффекты инновационной деятельности включают:

- внедрение ресурсосберегающих технологий и процессов, ориентированных на повышение производственной эффективности при одновременной минимизации антропогенного воздействия;
- разработку методов оптимизации ресурсопотребления и внедрения циркулярных моделей экономики;
- применение технологий декарбонизации и снижения эмиссионной нагрузки на атмосферу, гидросферу и литосферу;
- реализацию программ ремедиации нарушенных экосистем и восстановления биоразнообразия.

Негативные эффекты инноваций связаны со следующими рисками:

- субституция экологически сбалансированных практик технологиями с повышенным экологическим следом;
- интенсификация эксплуатации невозобновляемых ресурсов (минеральных, топливно-энергетических, водных) в инновационных циклах;
- эскалация технологических рисков, включая потенциальные релизы опасных материалов и генетически модифицированных организмов;
- генерация электронных отходов (e-waste), характеризующихся повышенной экологической опасностью ввиду наличия токсичных компонентов и сложности утилизации.

Инновации – Демография (в контексте проблем сокращения численности и старения населения). Совокупность проблем инновационного роста и сокращения численности населения на фоне его старения порождает взаимосвязанные вызовы, которые создают как барьеры, так и новые возможности для устойчивого развития. В теориях эндогенного роста дефицит рабочей силы рассматривается как ограничитель для роста производительности и TFP (Total Factor Productivity) – ключевого драйвера долгосрочных траекторий генерации инноваций [25, 15]. Однако новейшие успехи в автоматизации, обеспечивающие замену труда людей технологиями, представляют собой серьезный контраргумент, снимающий ограничения, вызванные дефицитом кадров [13, 2]. Результаты прикладных исследований свидетельствуют о взаимосвязи между стремительным увеличением доли пожилого населения и опережающим внедрением роботизированных систем. Данная тенденция расценивается в качестве адаптационного механизма, нивелирующего последствия структурной трансформации демографической пирамиды. [1].

Адепты структурных реформ в сфере труда утверждают, что снижение эластичности трудовых отношений создает для бизнеса институциональные препятствия к инновациям. Важным драйвером такой негибкости считается демографический тренд — старение экономически активного населения[3], но всё большее количество исследований утверждает обратное.

Развивая идеи Й. Шумпетера [35], современные авторы выявляют положительную связь между стабильностью занятости и кумуляцией экспертного опыта. Исследование Ходжи и Кляйнкнхата, в частности, подтверждает, что в технологичных секторах экономики инновационная деятельность основывается на исторически сложившемся багаже компетенций и преемственности знаний [19].

Согласно выводам А. Кляйнкнхата, реформы, направленные на повышение гибкости рынка труда (со стороны предложения), оказывают угнетающее воздействие на инновации и производительность. Особенно сильно этот негативный эффект выражен в технологичных отраслях с высокой степенью преемственности знаний, где инновационный потенциал определяется специфическими, накопленными за долгое время внутрифирменными знаниями, часто носящими тактический характер [21].

В работе С. Брески (S. Breschi) и соавторов эмпирически обосновывается тезис о положительной корреляции между ригидностью рынка труда, проявляющейся в пролонгированном стаже занятости и повышенной стабильности трудовых позиций, и инновационной эффективностью компаний. [4].

Эмпирическое исследование, проведенное Ючао Тан (Y. Tan) и коллегами, выявило наличие позитивной корреляции между процессом демографического старения и инновационной активностью китайских компаний. Полученные данные подтверждают, что дефицит трудовых ресурсов стимулирует разработку и внедрение инноваций, направленных на экономию труда, в качестве адаптационного ответа на демографические изменения. Наиболее выраженный эффект наблюдается в компаниях с высокой долей затрат на рабочую силу. Исследование также демонстрирует, что старение населения детерминирует смещение фокуса компаний в сторону эксплуатационных инноваций в ущерб исследовательским, что сопровождается соответствующей адаптацией стратегий для обеспечения их эффективной имплементации. [31].

Согласно исследованиям М. Коччи (M. Coccia), существует детерминированная взаимосвязь между демографической динамикой и интенсивностью технологического развития. Эмпирические данные свидетельствуют о том, что максимальная продуктивность в сфере инноваций наблюдается при годовом приросте населения в диапазоне 0,21–0,75%. В то же время поддержание стабильно высоких технологических показателей оказывается проблематичным как в условиях низких или отрицательных значений демографического роста, так и при его превышении уровня в 1% в контексте развитых государств. [7].

В исследовании М.А. Горальски и Т.К. Тана (M.A. Goralski, T.K. Tan) искусственный интеллект рассматривается в качестве инновационного катализатора для достижения целей устойчивого развития. Ученые проанализировали потенциал ИИ в контексте борьбы с бедностью (ЦУР 1), придя к заключению, что его внедрение способно стимулировать рост производительности и оптимизацию процессов в аграрном и пищевом секторах. Данная тенденция, в свою очередь, может привести к снижению уровня бедности и социально-экономического неравенства на национальном и глобальном уровнях. Дополнительно отмечается роль технологий ИИ в создании более инклюзивных рабочих мест для уязвимых групп населения в сельской местности, а также в обеспечении устойчивого управления земельными ресурсами, что способствует предотвращению деградации почв. [14].

Работа В. Sánchez и др. [33] аргументирует тезис о критической роли технологической модернизации аграрных регионов как ключевого фактора их социально-экономического развития. На эмпирическом уровне доказывается, что формирование релевантной технологической платформы обладает потенциалом для нейтрализации последствий депопуляции и запуска процессов восстановления сельских поселений. В этой связи показательным является изыскание Дж. Шниткера и Г. Карандиноса, верифицировавшее наличие статистически значимой зависимости

между эволюцией фармацевтических инноваций и приростом ожидаемой продолжительности жизни жителей Соединенных Штатов в интервале 1960-2000 годов [34].

Результаты научных исследований свидетельствуют о дуалистическом характере влияния технологического развития на демографическую динамику. Позитивный аспект данного воздействия проявляется в таких сферах, как генерация возобновляемой энергии, устойчивое сельскохозяйственное производство и создание ресурсосберегающей инфраструктуры, которые вносят вклад в улучшение демографических показателей и повышение уровня общественного здоровья. Технологические решения предлагают инструментарий для смягчения ключевых социальных вызовов, включая проблемы fertильности и постарения популяции, что иллюстрируется разработкой высокотехнологичных ассистивных устройств. Создание специализированных продуктов, адресованных потребностям лиц старшего возраста, открывает перспективы для формирования новых рыночных сегментов и выступает катализатором экономического развития.

С другой стороны, сокращение доли экономически активного населения ведет к дефициту высококвалифицированных кадров, ответственных за генерацию и имплементацию технологических новшеств, что создает существенные барьеры для инновационного развития. Демографический сдвиг в сторону старения негативно отражается на экономической динамике вследствие сокращения потребительского спроса. Кроме того, представители старших возрастных групп демонстрируют, как правило, более низкую восприимчивость к освоению новых технологий по сравнению с молодежью, что затрудняет масштабирование инноваций.

Демография – Экология. Демографический спад на региональном уровне способен инициировать существенные трансформации в экологической обстановке и структуре локальных экосистем. Процесс депопуляции провоцирует возникновение явления заброшенности в урбанизированных зонах, объектах инфраструктуры и на землях сельскохозяйственного назначения. Подобный тренд инициирует системную перестройку сложившихся моделей эксплуатации земельных ресурсов, что напрямую коррелирует с сокращением площади пригодных для многих видов экологических ниш. Значимым риском является эрозия культурно-исторических ландшафтов и утрата адаптивных сельскохозяйственных методик, которые на протяжении длительного временного горизонта выполняли ключевую роль в конфигурации и стабилизации природного равновесия. Параллельно происходит эрозия накопленного корпуса экологических знаний и традиционных методов управления биоразнообразием, что приводит к снижению устойчивости экосистем.

Проведенный Л. Майорано, А. Фалькуччи и Л. Бойтани анализ пространственного распределения антропогенного воздействия на территории Италии выявил устойчивую тенденцию к его росту на прибрежных и равнинных землях на протяжении последних четырех десятилетий. Параллельно наблюдается процесс депопуляции и сокращения хозяйственной активности в континентальных горных регионах. Исследователи устанавливают, что биоразнообразие и антропогенное присутствие функционально взаимосвязаны посредством систем традиционного аграрного производства и пастбищного хозяйства. В связи с этим, стратегия сохранения биоразнообразия должна интегрировать человеческую деятельность в качестве ключевого элемента экологической системы. Авторами аргументирована позиция, что в антропогенно-трансформированных ландшафтах планирование и менеджмент территорий должны осуществляться с обязательным учетом их экологической истории [26].

Параллельно депопуляция может выступать катализатором процессов естественной регенерации и восстановления экосистем, обеспечивая их переход в состояние, позволяющее компенсировать последствия предшествующих антропогенных нарушений. Данный процесс имеет критическое значение для выполнения экосистемных услуг, таких как секвестрация углерода, очистка водных ресурсов и предотвращение эрозии почв. На депопулирующих территориях наблюдается позитивная динамика популяций дикой фауны, обусловленная снижением пресса хозяйственной деятельности и экспансиией подходящих местообитаний. Как следствие, виды, находившиеся под угрозой вследствие

антропогенного воздействия, получают потенциал для восстановления численности и расширения своих ареалов. Трансформации окружающей среды, коррелирующие с депопуляцией сельских районов Южной Европы на протяжении последних 60 лет, были верифицированы в исследовательской работе А. Мартинеса-Абраина. Разработанная авторами концептуальная модель репрезентирует два сопряженных тренда: прогрессирующую синантропизацию фауны, выражющуюся в ее адаптации к антропогенно модифицированной среде, и редукцию численности населения в аграрных регионах. [12].

Анализ, проведенный В. Санчесом и соавторами, демонстрирует детерминирующую роль экономических детерминант в процессах депопуляции. Исследование выявляет устойчивую пространственную корреляцию: ареалы, характеризующиеся наиболее интенсивной убылью населения, соответствуют регионам с признаками экономической депрессии или низким уровнем экономического динамика. Даные территории формируют зоны устойчивого миграционного оттока в пользу быстрорастущих урбанизированных центров, выступающих полюсами экономического притяжения [33].

Следовательно, эндогенная демографическая и экологическая динамика, как выявлено, коррелирует с рисками деградации антропогенной среды и нарушения макрорегиональной экономической стабильности. В качестве стратегического ответа предлагается целенаправленная ориентация на устойчивый рост, основанный на сбалансированной интеграции социальных и экологических целей. Согласно теории Й. Шумпетера [35] драйвером такого перехода могут стать инновации – создание предпринимателями новых комбинаций ресурсов, производящих стоимость. Однако достижение устойчивой траектории не является автоматическим следствием экономического прогресса. Представленные данные свидетельствуют, что внедрение инноваций инициирует многомерные и амбивалентные по своим последствиям трансформации. При этом потенциал инновационной деятельности подвержен существенным ограничениям со стороны ряда факторов, главным образом, институциональной природы. В этой связи, генерация инноваций, направленных на решение обозначенных проблем, требует целенаправленного стимулирования с применением апробированных в международной практике инструментов, среди которых ключевое место занимает создание полюсов роста в формате территорий с особым экономическим статусом (ТОЭС) и применение механизмов преференциального налогообложения.

Эффективность функционирования ТОЭС находится в прямой зависимости от результативности институциональных механизмов, обеспечивающих привлечение инвестиций и развитие предпринимательского потенциала в рамках правового поля. Реализация потенциала таких территорий осуществляется по следующим направлениям: аккумуляция внутренних и иностранных инвестиций на основе предоставления налоговых преференций; стимулирование инновационной активности и процессов технологического трансфера; диверсификация и рост экспорта высокотехнологичной продукции.

Вместе с тем внедрение модели ТОЭС сопряжено с рядом рисков, включая: ошибочное определение стратегических приоритетов развития; сокращение доходной части государственного бюджета; нарушение принципа горизонтальной справедливости налогообложения; повышение вероятности налоговых злоупотреблений и коррупционных практик; возникновение дополнительных экологических угроз. Эмпирические данные свидетельствуют, что низкая эффективность отдельных экономических зон обусловлена не операционными недостатками, а фундаментальными свойствами применяемых фискальных инструментов. Успешная имплементация льготных налоговых режимов детерминирована их соответствием общей стратегии налоговой политики государства, а также наличием четких правовых дефиниций, разграничитывающих легитимное использование льгот и их злоупотребление.

Проведенное исследование позволяет заключить, что в рамках современной налоговой теории отсутствует универсальная модель фискальной политики, гарантирующая устойчивый

экономический рост, равно как и не существует однозначного решения в выборе между широкими стимулами, применяемыми на национальном или макрорегиональном уровне, и концентрированными, сфокусированными на ТОЭС, мерами поддержки. В этой связи поиск действенных решений определен необходимостью имплементации ситуационной методологии. В рамках настоящего исследования на базе теоретического анализа инструментария преференциального налогообложения была сконструирована концептуальная модель. Ее целеполагание заключается в оптимизации функционирования ТОЭС для достижения целей устойчивого развития региона. (рис. 2). В рамках предложенной модели регулятивный механизм функционирует в двух основных режимах (обоснование представлено в исследовании автора Tax Incentives for Economic Growth in the Russian Far East: Broad vs. Targeted Stimuli (Emerging Science Journal, 2024) [36]):

- режим общесистемного стимулирования, направленный на формирование благоприятного фискального климата в масштабах региона. Данный подход предполагает предоставление экономическим агентам универсальных налоговых преференций, что объективируется снижением эффективных ставок налогообложения и способствует развитию деловой активности.

- режим пространственно-селективного стимулирования, ориентированный на создание локализованных точек роста. Реализация данного режима осуществляется через предоставление целевых налоговых льгот резидентам ТОЭС с перспективой последующего распространения генерируемых ими технологических и институциональных инноваций на всю территорию региона.

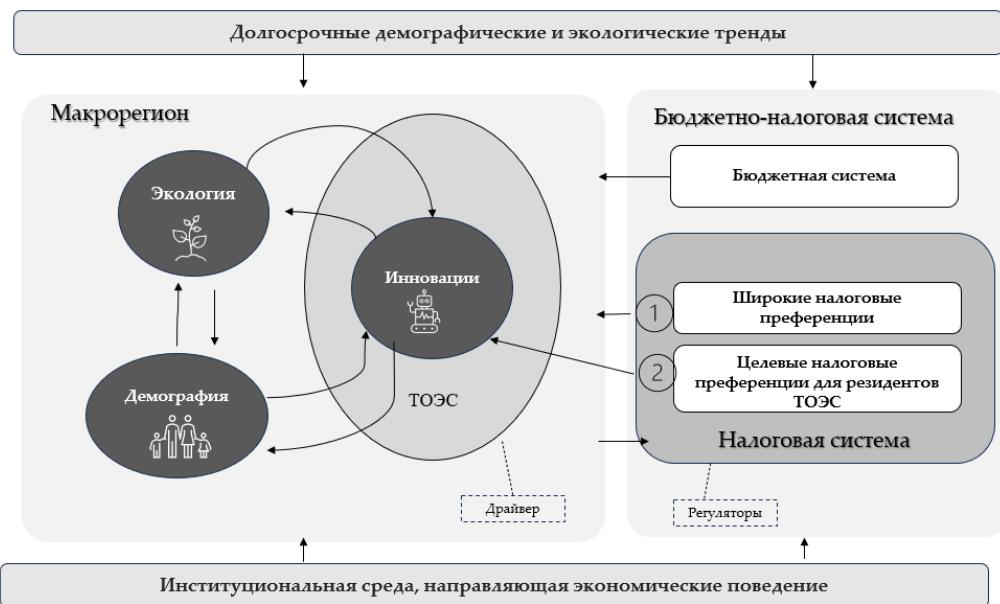

Рисунок 2 – Структурно-логическая схема концепции налогового стимулирования устойчивого регионального развития территорий с особым экономическим статусом

Источник: составлено автором

Катализирующим фактором трансформации экологической и экономической подсистем региона выступает инновационная активность предпринимательского сектора (как внутри, так и вне ТОЭС). Генезис указанных инноваций определяется не только фискальными стимулами, но и опосредован комплексным влиянием формальных и неформальных институтов, формирующих институциональную среду.

Ключевым методологическим принципом модели является необходимость интегрированного анализа микро- и макроуровневых процессов. Проведенное исследование позволяет выявить необходимость изучения микроэкономических поведенческих реакций субъектов, детерминированных особенностями институциональной среды, в корреляции с макроэкономическими ответами эколого-экономической системы. Последние, в свою очередь, находятся в зависимости от сложившихся траекторий демографического и экологического

развития. Ключевое значение приобретает учет двунаправленной каузальности: агрегированные решения экономических агентов определяют уровень «экологического потолка», устанавливающего операционные границы для демографических групп в пределах экологической емкости территории. Параллельно макродемографические и макроэкологические тренды оказывают ретроспективное влияние на трансформацию институциональной среды, что, в конечном счете, модулирует поведенческие стратегии экономических агентов.

Таким образом, применение налоговых льгот в статусе элемента фискально-политического регулирования в условиях ТОЭС осуществляется через дистрибутивную стадию в системе общественного воспроизводства, охватывающую микроуровень (домохозяйства), мезоуровень (организации) и макроуровень (государство). Стратегически определяемое перераспределение ресурсов через инструменты налогового воздействия обеспечивает модуляцию направленности и амплитуды их влияния на процессы перехода территорий к устойчивой модели развития.

Дискуссия

Согласно концепции полюсов роста Ф. Перру [29] экономическое развитие характеризуется свойством пространственной поляризации, аккумулируясь в пределах ограниченного числа регионов-лидеров. Данная концентрация генерирует кумулятивный эффект, стимулирующий ускорение экономических процессов как на локальном, так и на общестрановом уровне. Инструменты фискального стимулирования являются одним из ключевых механизмов в арсенале государственной политики, предназначенных для целенаправленного создания и последующего укрепления подобных центров экономической гравитации. Путем создания преференциальных налоговых режимов органы власти стремятся аккумулировать инвестиции и бизнес-активность на целевых территориях, рассчитывая на генерацию положительных экстерналий, способных стимулировать развитие сопряженных экономических пространств. Однако данный процесс не является периодическим и самопроизвольным. В отсутствие комплексного планирования, инфраструктурных инвестиций и адресного политического вмешательства стратегия поляризованного развития может усугубить диспропорции между регионами, порождая долгосрочные социально-экономические и политические риски. Процессы экономической агломерации в высокоразвитых урбанизированных регионах коррелируют с возникновением эффекта периферийности, что ведет к усилению стратификации по показателям доходов, занятости, доступности инфраструктурных объектов и к редукции сводных индексов общественного благополучия. Важно отметить, что региональные диспаритеты, проявляющиеся в дуализме «недозагрузка-перегрузка» ресурсов, бросают вызов самой парадигме оптимальности распределения, даже при гипотетическом выполнении условия Парето-оптимума. В качестве контраргумента выступает теория «несбалансированного роста» А. Хиршмана, постулирующая, что фокусировка ресурсов в ключевых точках роста способна инициировать кумулятивные положительные экстерналии, каскадно распространяющиеся на связанные территории и отрасли [18]. Вместе с тем, указанный автор акцентировал проблему возникновения аллокационной неэффективности, порождаемой пространственным неравенством, в особенности в условиях отсутствия механизмов трансляции положительных экстерналий от развитых регионов к депрессивным территориям.

Параллельное направление исследований разрабатывалось Н. Калдором [20], анализировавшим влияние пространственной дифференциации темпов экономического роста на снижение эффективности макроэкономических показателей. В его работах особое внимание уделяется исследованию причин, при которых опережающее развитие процветающих регионов сопровождается усилением стагнации депрессивных территорий, что в совокупности приводит к субоптимальной аллокации ресурсов на общесистемном уровне. Акцентирование Калдором проблемы возникновения аллокационной неэффективности вследствие региональных диспропорций оказалось существенное воздействие на эволюцию теоретических основ региональной экономики, способствуя формированию более комплексного понимания пространственных аспектов экономического развития.

Принципиальным вкладом П. Кругмана в «Новой экономической географии» стал инновационный методологический инструментарий, основанный на синтезе моделей «новой торговли» и «нового роста». Несмотря на дискуссионный характер предпосылок, данный подход обеспечил возможность строгого выведения (дедукции) агрегированных пространственных закономерностей из микроэкономических оснований рационального поведения агентов в рамках моделей общего равновесия. Ключевые преимущества подхода Кругмана включают:

- демонстрацию роли исторической зависимости от траектории предшествующего развития в формировании пространственной организации экономики;
- анализ механизмов, посредством которых изменения экзогенных параметров способны индуцировать нелинейные трансформации пространственной структуры;
- успешную интеграцию географического анализа в мейнстрим экономической теории.

Таким образом, данный подход предоставил аналитический инструментарий для исследования самоподдерживающейся региональной агломерации и кумулятивных процессов пространственного развития, существенно обогатив методологический арсенал современной экономической науки [22, с.7]. Ключевым элементом данной теоретической конструкции выступает модель «центр – периферия», постулирующая концентрацию экономического роста в центральных регионах («ядрах»), где конкурентные преимущества формируются за счет эффектов агломерации (наличие развитых сетей поставщиков, концентрация высококвалифицированных трудовых ресурсов, снижение транзакционных издержек). В противоположность этому, периферийные территории характеризуются дефицитом инфраструктуры, ограниченным человеческим капиталом и суженной рыночной емкостью.

Фискальные стимулы, реализуемые в периферийных регионах, направлены на компенсацию указанных дисбалансов через снижение операционных издержек хозяйствующих субъектов и создание дополнительных стимулов для релокации существующих бизнесов или привлечения новых инвестиционных проектов.

Анализ представленных теоретических подходов демонстрирует их существенную ценность и значительный потенциал применительно к пространственной организации экономики, хотя каждое из рассматриваемых исследований обладает определенными методологическими и applicативными ограничениями.

Критический анализ теории полюсов роста Ф. Перру позволяет выявить ее существенную ограниченность, заключающуюся в гиперболизации сугубо экономических детерминант развития — таких как инвестиционная активность, технологическая модернизация и индустриализация — при системном игнорировании социальных, институциональных и экологических переменных, определяющих устойчивость регионального развития. Эмпирические исследования последовательно демонстрируют, что экономический рост существенно коррелирует с такими факторами, как уровень социального капитала, качество человеческого потенциала (образование), политическая стабильность и экологическая сбалансированность. Таким образом, узкоэкономический редукционизм, характерный для подхода Перру, исключает из анализа комплексное воздействие указанных параметров на эффективность формирования и функционирования полюсов роста, что существенно снижает предсказательную силу и практическую применимость данной теоретической конструкции в современных условиях. [30].

Модель «центр – периферия», разработанная П. Кругманом, основывается на предпосылке о совершенной мобильности трудовых ресурсов, предполагающей их свободное перемещение из периферийных районов в центральные в целях максимизации экономических возможностей. Однако эмпирические данные свидетельствуют о наличии существенных ограничений трудовой мобильности, обусловленных социальными связями, высокой стоимостью жилья, миграционными барьерами и институциональными ограничениями. Кроме того, культурные различия, несоответствие квалификационных характеристик и неопределенность долгосрочных перспектив

формируют дополнительные препятствия для пространственного перераспределения рабочей силы, что демонстрируется на примере Дальнего Востока России, где меры по стимулированию миграции показали ограниченную эффективность. Указанные обстоятельства ставят под сомнение реалистичность базовых предпосылок модели в определенных контекстах.

В этой связи эффективность преференциальных налоговых режимов в регионах определяется необходимостью комплексного учёта институциональных, экологических и социально-экономических факторов. Фискальная политика должна быть разработана с целью минимизации рисков чрезмерной налоговой конкуренции, возникновения необоснованных конкурентных преимуществ и эрозии национальной налоговой базы.

Оптимальной стратегией развития представляется достижение сбалансированного роста, интегрирующего социальные и экологические императивы. Катализатором такого перехода могут выступать инновации в шумпетерианском понимании — как реализация новых комбинаций производственных факторов, создающих добавленную стоимость. Однако инновационный процесс характеризуется внутренней противоречивостью и нелинейностью, а склонность к инновационной деятельности часто ограничена институциональными барьерами. Поэтому стимулирование инноваций требует целенаправленного применения государственных инструментов, включая формирование полюсов роста и разработку адресных фискальных стимулов.

Таким образом, налоговые инструменты оказывают существенное влияние на поведенческие стратегии экономических агентов посредством изменения их располагаемого дохода и структуры активов. Эффективность налоговых стимулов находится в прямой зависимости от их количественных параметров (интенсивности) и качественных особенностей институциональной среды применения. На территориях с благоприятным институциональным ландшафтом, отличающимся низким уровнем трансакционных издержек и развитой исследовательско-инновационной инфраструктурой, удовлетворительные результаты могут быть достигнуты посредством унифицированных фискальных мер. В условиях менее развитых институциональных систем необходимы усиленные и пространственно-селективные фискальные интервенции.

Заключение

При всем признании значительного научного вклада в исследование механизмов налогового стимулирования устойчивого развития территорий с особым экономическим статусом следует констатировать отсутствие универсального решения данной проблемы. Это обуславливает необходимость учёта конкретных пространственно-временных контекстов и разработки дифференцированных подходов применительно к различным типам региональных ситуаций. В представленном исследовании указанная проблема исследуется через призму специфических условий региона, характеризующегося комплексом демографических и экологических вызовов. Такой подход позволяет разработать адресные меры налоговой политики, учитывающие уникальное сочетание факторов риска и возможностей на данной территории. Автор, опираясь на результаты исследования теоретических аспектов проблемы, а также опубликованные ранее результаты модельных экспериментов в сфере налогообложения [36, 39] теоретически обоснован концептуальный подход к формированию политики налогового стимулирования устойчивого развития региона, а также сконструирован соответствующий теоретико-методологический аппарат, адаптированный для территорий с особым экономическим статусом. Предлагаемый аналитический подход характеризуется принципиальной многомерностью, при которой каждый инструмент налогового стимулирования репрезентирует узловую точку конвергенции концептуальных основ различных научных школ. Данный синтез находит отражение в трех взаимосвязанных измерениях:

- пространственный контур (модели регионального развития и механизмы преференциального налогообложения);
- экосистемный контур (парадигмы устойчивого развития, формирующие демографические и экологические траектории);

- поведенческий контур (институциональные теории и концепции налогового поведения).

Категориальный аппарат метода базируется на системной интеграции фискально-стимулирующих механизмов, адресованных экономическим субъектам, функционирующими в заданных институциональных ограничениях, и комплекса демографо-экологических параметров. Данные параметры предопределяют потенциал освоения пространства, величину предложения на рынке труда и контуры его долгосрочного развития. Это позволяет сформулировать концептуальные основы налоговой политики для регионов, характеризующихся комплексными вызовами, где инновационный фактор выступает драйвером преобразований, способным нивелировать негативные демо-экологические тенденции.

Теоретическая значимость работы заключается в развитии научных представлений о специфике налогового стимулирования для регионов с неблагоприятными демо-экологическими трендами. Предложенный инструментарий позволяет целенаправленно решать задачи устойчивого развития территорий и может быть адаптирован для регионов, включающих территории с особым экономическим статусом. Перспективы дальнейших исследований связаны с разработкой методологии комплексной оценки фискальной эффективности преференциальных режимов с учетом изменяющихся экономических условий и геостратегических приоритетов, включая совершенствование налогово-бюджетных инструментов развития территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Acemoglu D., Restrepo P. Demographics and Automation // The Review of Economic Studies. 2021. Vol. 89, No. 1. P. 1–44. DOI: <https://doi.org/10.1093/restud/rdab031>.
2. Acemoglu D., Restrepo P. Secular stagnation? The effect of aging on economic growth in the age of automation // American Economic Review. 2017. Vol. 107, No. 5. P. 174–179. DOI: <https://doi.org/10.1257/aer.p20171101>.
3. Bartelsman E.J., Gautier P.A., De Wind J. Employment protection, technology choice, and worker allocation // International Economic Review. 2016. Vol. 57, No. 3. P. 787–826. DOI: <https://doi.org/10.1111/iere.12176>
4. Breschi S., Malerba F., Orsenigo L. Technological regimes and schumpeterian patterns of innovation // Economic Journal. 2000. Vol. 110, No. 463. P. 388–410. DOI: <https://doi.org/10.1111/1468-0297.00530>.
5. Chaurey R. Location-based tax incentives: Evidence from India // Journal of Public Economics. 2017. Vol. 156. P. 101–120. DOI: [10.1016/j.jpubeco.2016.08.013](https://doi.org/10.1016/j.jpubeco.2016.08.013).
6. Cheng Y. Place-based Policies in a Development Context: Evidence from China / Department of Economics. UC Berkeley, 2014
7. Coccia M. Driving forces of technological change: The relation between population growth and technological innovation // Technological Forecasting and Social Change. 2014. Vol. 82. P. 52–65. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2013.06.001>.
8. Cui Y., Jiao J., Jiao H. Technological innovation in Brazil, Russia, India, China, and South Africa (BRICS): An organizational ecology perspective // Technological Forecasting & Social Change/Technological Forecasting and Social Change. 2016. Vol. 107. P. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.02.001>.
9. Digital and Green Economy: Common Grounds and Contradictions / V.P. Vishnevsky [et al.] // Sci. in nov. 2021. Vol. 17, No. 3. P. 14–27. DOI: <https://doi.org/10.15407/scine17.03.014>.
10. Do pilot free trade zones promote green innovation efficiency in enterprises?: Evidence from listed companies in China / G. Wang, Y. Hou, S. Du, C. Shen // Heliyon. 2023. Vol. 9, No. 10. P. e21079. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2023.e21079>
11. Does the construction of Pilot Free Trade Zones promote the development of green economy?: A quasi-natural experiment evidence from China / X. Yan, T. He, P. Qian, Z. Liu // Economic Analysis and Policy. 2024. Vol. 81. P. 208–224. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.eap.2023.11.032>
12. Ecological consequences of human depopulation of rural areas on wildlife: A unifying perspective / A. Martínez-Abraín [et al.] // Biological Conservation. 2020. Vol. 252. P. 108860. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2020.108860>
13. Frey C.B., Osborne M.A. The future of employment: How susceptible are jobs to computerization? // Technological Forecasting & Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254–280. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2016.08.019>
14. Goralski M.A., Tan T.K. Artificial intelligence and poverty alleviation: Emerging innovations and their implications for management education and sustainable development // International Journal of Management Education. 2022. Vol. 20, No. 3. P. 100662. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ijme.2022.100662>
15. Gordon R. The rise and fall of American growth. Princeton University Press, 2017. 784 p. DOI: <https://doi.org/10.1515/9781400888955>.
16. Hasan R., Jiang Y., Rafols R. M. Place-based preferential tax policy and industrial development: Evidence from India's program on industrially backward districts. Journal of Development Economics. 2021. Vol. 150, p.102621. <https://doi.org/10.1016/j.jdeveco.2020.102621>
17. Hazakis K.J. The Rationale of Special Economic Zones (sezs): An Institutional Approach // Regional Science Policy & Practice. 2014. Vol. 6, Is. 1. P. 85–101. DOI: <https://doi.org/10.1111/rsp3.12030>
18. Hirschman A.O. The strategy of economic development. New Haven, Conn: Yale Univ. Press, 1958. 217 p.
19. Hoxha S., Kleinknecht A. When labor market rigidities are useful for innovation. Evidence from

German IAB firm-level data // Research Policy. 2020. Vol. 49, No. 7. P. 104066. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2020.104066>.

20. Kaldor N. Causes of the Slow Rate of Economic Growth of the United Kingdom: An Inaugural Lecture. London: Cambridge University Press, 1966. 40 p.

21. Kleinknecht A. The (negative) impact of supply-side labor market reforms on productivity: an overview of the evidence // Cambridge Journal of Economics. 2020. Vol. 44, No. 2. P. 445–464. DOI: <https://doi.org/10.1093/cje/bez068>.

22. Krugman P. What's new about the new economic geography? // Oxford Review of Economic Policy. 1998. Vol. 14, No. 2. P. 7–17. DOI: [10.1093/oxrep/14.2.7](https://doi.org/10.1093/oxrep/14.2.7). P. 7

23. Li X., Wu X., Tan Y. Impact of special economic zones on firm performance // Research in International Business and Finance. 2021. Vol. 58. P. 101463. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ribaf.2021.101463>.

24. Lu C., Feng Q. The influence of green technology innovation on industrial ecology at the Yellow River Basin in China // Resources, Conservation and Recycling. 2024. Vol. 206. P. 107649. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.resconrec.2024.107649>

25. Maestas N., Mullen K.J., Powell D. The effect of population aging on economic growth, the labor force, and productivity // American Economic Journal: Macroeconomics. 2023. Vol. 15, No. 2. P. 306–332. DOI: <https://doi.org/10.1257/mac.20190196>

26. Maiorano L., Falcucci A., Boitani L. Gap analysis of terrestrial vertebrates in Italy: Priorities for conservation planning in a human dominated landscape // Biological Conservation. 2006. Vol. 133, No. 4. P. 455–473. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.biocon.2006.07.015>.

27. Martin J., Stratică C. Taxes and Tax Havens: A Study with Canadian Data // Actualité Economique. 2017. Vol. 93, No. 3. P. 405–439

28. Onshore and offshore profit shifting and tax revenue losses in the European Union/ D. Nerudova, M. Dobranchi, V. Solilová, M. Litzman // Economic Modelling. 2023. Vol. 119. P. 106111. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.econmod.2022.106111>.

29. Perroux F. Note sur la notion de «pole de croissance»//Economie appliquée. 1955. Vol. 8, No. 1–2. P. 307–320

30. Pigou, A. C., & Aslanbeigui, N. The economics of welfare. In Routledge eBooks. 2017. <https://doi.org/10.4324/9781351304368>

31. Population ageing, labor market rigidity and corporate innovation: Evidence from China / Y. Tan [et al.] // Research Policy. 2022. Vol. 51, No. 2. P. 104428. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.respol.2021.104428>.

32. Porter M.E., Van der Linde C. Green and Competitive: Ending the Stalemate // Harvard Business Review. 1995. Vol. 73. P. 120–134.

33. Preventing depopulation by improving technological endowment: A methodology for identifying priority municipalities / B. Sánchez [et al.] // Cities. 2024. Vol. 150. P. 105066. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.cities.2024.105066>

34. Schnittker J., Karandinos G. Methuselah's medicine: Pharmaceutical innovation and mortality in the United States, 1960–2000 // Social Science & Medicine. 2010. Vol. 70, No. 7. P. 961–968. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2009.11.033>

35. Schumpeter J.A. Business Cycles: A Theoretical, Historical, and Statistical Analysis of the Capitalist Process. New York: McGraw; London: Hill Book Company Inc., 1939. 461 p.

36. Sinenko, O. Tax Incentives for Economic Growth in the Russian Far East: Broad vs. Targeted Stimuli / O. A. Sinenko // Emerging Science Journal. – 2024. – 8(3), – P. 1153–1166. – DOI 10.28991/esj-2024-08-03-021. – EDN BDIBMF.

37. Sinenko, O. A. Customs Preferences of Territories with A Special Economic Status in the Asia-Pacific Region / O. A. Sinenko, I. A. Maiburov, A. Yu. Sashchenko // 36th International Business Information Management Association Conference (IBIMA): Proceedings of the 36th International Business Information Management Association Conference (IBIMA), Granada, Spain, 04–05 ноября 2020 г. – Granada, Spain:

International Business Information Management Association (IBIMA), 2020. – P. 5603-5610 – EDN IIYWLX.

38. Sinenko, O. A. Methods Of Assessing of Tax Incentives Effectiveness in Special Economic Zones: An Analytical Overview / O. A. Sinenko // Journal of Tax Reform. – 2016. – Vol. 2, No. 3. – P. 168-179. – DOI 10.15826/jtr.2016.2.3.022. – EDN XKQGRH

39. Sinenko, O. A. Modeling the Policy of Tax Incentives for Sustainable Development of the Region: The Case of the Far Eastern Federal District of Russia / O. A. Sinenko // Journal of Tax Reform. – 2024. – Vol. 10, No. 2. – P. 312-333. – DOI 10.15826/jtr.2024.10.2.171. – EDN ATITXK.

40. Sustainable potential of the strategic emerging industries: Insights from technological innovation, economy, and ecology / S. Ding [et al.] // Journal of Cleaner Production. 2024. Vol. 434. P. 140038. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.140038>.

41. Tørsløv T., Wier L., Zucman G. The Missing Profits of Nations // The Review of Economic Studies. 2023. Vol. 90, Is. 3. P. 1499–1534. DOI: <https://doi.org/10.1093/restud/rdac049>. URL: <https://academic.oup.com/restud/article-abstract/90/3/1499/6650134?redirectedFrom=fulltext>

42. Wu M., Liu C., Huang J. The special economic zones and innovation: Evidence from China // China Economic Quarterly International. 2021. Vol. 1, Is. 4. P. 319–330. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ceqi.2021.11.004>.

43. Xi Q., Sun R., Lin M. The impact of special economic zones on producer services productivity: Evidence from China // China Economic Review. 2021. Vol. 65. P. 101558. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2020.101558>.

44. Zhang Yijun, Song Yi. Tax rebates, technological innovation and sustainable development: Evidence from Chinese micro-level data. Technological Forecasting and Social Change. Volume 176, March 2022, 121481. <https://doi.org/10.1016/j.techfore.2022.121481>

45. Zheng Liang. Job creation or job relocation? Identifying the impact of China's special economic zones on local employment and industrial agglomeration. China Economic Review. 2021. Vol. 69, p.101651. <https://doi.org/10.1016/j.chieco.2021.101651>

46. Zhou C., Li J. Product innovation in emerging market-based international joint ventures: An organizational ecology perspective // Journal of International Business Studies. 2008. Vol. 39, No. 7. P. 1114–1132. DOI: <https://doi.org/10.1057/jibs.2008.51>.

47. Zolt E.M. Tax Incentives: Protecting the tax base: Paper for Workshop on Tax Incentives and Base Protection. N. Y.: United Nations. Department of Economic and Social Affairs, 2015. URL: http://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2015/04/2015TIBP_PaperZolt.pdf

Tax mechanisms for stimulating sustainable development of territories with special economic status: theoretical and methodological analysis

The article is based on the results of the research carried out at the expense of budgetary funds under the state assignment of the Financial University under the Government of the Russian Federation.

Sinenko Olga Andreevna

Doctor of Economic Sciences, Associate Professor, Leading Research Fellow

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

E-mail: oasinenko@fa.ru

KEYWORDS

tax incentives, sustainable development, territories with special economic status, tax policy

ABSTRACT

The article aims to substantiate the theoretical and methodological foundations of tax incentives for the sustainable development of territories with special economic status. The relevance of the study is determined by a significant gap in the scientific literature, namely the lack of comprehensive research on adapting fiscal incentives to the goals of environmental and social stability within such territories. The author's interest in this topic is driven by the need to develop balanced fiscal mechanisms focused on achieving long-term effects in the context of sustainable development goals. The methodological framework is based on the author's concept of multidimensional tax incentives, integrating three interrelated aspects: spatial (theories of preferential taxation and spatial development), environmental (the paradigm of sustainable development, determining demographic and environmental trends), and behavioral (postulates of institutional theory and tax behavior theory). This synthesis allows for the design of targeted incentives considering the specifics of territories characterized by declining demographic dynamics and increased anthropogenic pressure. The main result of the study is the justification of a model for forming tax policy linked to objective parameters of the territory's ecological capacity and its labor resource potential. Practical implementation of the proposed measures will contribute to activating the innovation potential of macro-regions under structural constraints. The research methodology includes a systematic analysis of scientific literature. A limitation of the work is the lack of coverage of indirect taxation mechanisms, which defines directions for future research. A key feature of the proposed approach is the systemic relationship between tax instruments, behavioral responses of economic agents, and external environmental factors, forming the basis for evidence-based fiscal policy. It is substantiated that adjusting the volume and direction of financial flows through tax-budget mechanisms allows for targeted regulation of the intensity and vector of impact on the transition of regional systems to a sustainable development model.
